

ZONA

СЕРГЕЙ ЖАРКОВСКИЙ
ЭТА ТВАРЬ
НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж35

Иллюстрация на переплете *А. Андреева*

Жарковский, Сергей.
Ж35 Эта тварь неизвестной природы / Сергей Жарковский. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Проект ZONA).

ISBN 978-5-699-97006-3

Смертельная загадочная Зона возникла в астраханских степях, поглотив военный город и военный космодром. Она губит и возвращает жизни, совершает переворот в мировой политике и науке и превращает юного контрактника Советской Армии в трекера-браконьера, путешественника между Луной и мезозоем, охотника на динозавров и на конкурентов из Палласовки, убийцу людей и спасителя человечества... к которому бывший юный контрактник и его новый народ — «бедованы» — относятся все меньше и меньше... и относятся плохо...

Первая книга по вселенной ZONA.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97006-3

© Жарковский С., 2017
© Оформление. Стартфильм групп, 2017

*...эта невесть с какого неба упавшая загадка,
ЭТА ТВАРЬ НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ
превратила это место в отдельную страну,
в страну волшебную,
в злую волшебную страну с чужой волшебной планеты...*

Авторы считают своим долгом предупредить читателя, что ни один из персонажей этого романа не существует (и никогда не существовал) в действительности. Поэтому возможные попытки угадать, кто здесь кто, не имеют никакого смысла. Точно так же вымышлены все упомянутые в этом романе учреждения, организации и заведения.

«Хромая судьба»

When you have eliminated the impossible, whatever remains, however improbable, must be the truth.

«The Sign of the Four»

В тексте использованы термины из произведений И. Ефремова, А. и Б. Стругацких, И. Варшавского и Ф. Херберта.

«Реквием по пилоту»

Пролог

В промежутках между рвотными спазмами, каждый второй из которых был успешным, прапорщик Башкало, твёрдо стоящий на карачках от Вадима ошую, провозглашал следующее:

— Мать... Аыгр... М-матушка-перематушка... Блэ-э-э-э!.. Чтоб я ещё... Чтобы вся эта... чтобы вся эта х-херня неизвестной природы... трах её тарарах!.. провалилась пропадом, чтобы её... Ы-ы-ы-р-р-л-а-а-а! Чтоб ей, с её газовыми метеоритами, с её туманами-перетуманами, с её гребёнными тяжестями-лёгкостями и прозрачными мотовозами... чтоб ей, с-суке, ни дна ни покрышки! Блюээррррргааа! Долбаный Горбачёв!

Старший прапорщик Петрович, блюющий от Вадима справа и тоже на карачках, понятных слов не говорил. Он был много старше, и, может быть, поэтому его полоскало намного сильнее. А может быть, возраст значения не имел вовсе, а Матушка-Беда с него брала плату за проход по полной, а не частями.

Вадима не тошнило совсем. Физически ему было нормально, никакой рвоты, никаких спазмов, никаких кровавых пелён между хрусталиком и сетчаткой, он и испугаться-то не сумел как следует, слишком уж невероятное они свершили дело, человеческий страх тут был неприменим. Какое-то другого уровня потрясение должно было здесь испытать, что-то вроде ауры первого шага в открытый космос, на виду у всего мира, когда и жизнь, и смерть лично твои не особо заметны на фоне

самого свершения, и ты это сознаёшь. Как-то так. Физически Вадим испытывал усталость, такую, словно бы он был резиновым и надувным и его вдруг иголкой прокололи. Не менее того, но и никак не более. Он стоял между Башкалой и Петровичем, уперевшись руками в колени, и, стараясь не шевелиться, смотрел на вешку с номером 323, первую с этой стороны от железной дороги, и представлял себе человека, воткнувшего её в бурую глину астраханской полупустыни когда-то (год назад? полтора года назад? тысячу лет назад?). Был кто-то первый, преодолевший королёвскую узкоколейку, догадавшийся шагнуть в борт проходящего мимо второго вагона, железного только на вид, а на ощупь, на свет — призрачно-го, спроецированного таинственным фильмоскопом неизвестной природы на кучу табачного дыма кинокадра... как это называется?.. «комбинированная съёмка»!.. Кто-то придумал, догадался, прочуял прыгнуть сквозь железный призрак и пересёк непроходимую, смертельную, жестоко убивающую железную дорогу. Кто-то рискнул первым. И воткнул вешку в куст чёрной полыни. Вешка триста двадцать три. Первая с этой стороны. Тоже, наверное, блевал... Старший прапорщик Петрович с этим гением, героем и психом знаком, скорей всего. Или он сам это и был? Как его полощет-то! Как самого Вадима на «нейтралке» вчера, когда Зона приветствовала его и оценивала.

Время шло, десятки ли секунд минули, сотни ли, но вот и у Башкалы скис словарный запас, и Петрович уже не всхлипывал рыдающе, извергая из себя походный полдник, и скоро остались только два хриплых дыхания слева и справа и запахи, неожиданно сильные, как будто они были в небольшом и закрытом помещении. Потом всё совсем стихло, а потом Вадим заметил, что Петрович сидит на земле в позе Шукшина босиком и сни-

зу вверх внимательно на него смотрит из-под длинного козырька синей американской кепки, смотрит недобро, протирая зелёным носовым платком рот и под ним. Вадим сразу выпрямился, поднял «сорок седьмой» за зажатый в кулаке ремень, пристроил на положенное, неуставное в обычной жизни место. Петрович промолчал, отвёл глаза, сложил и убрал платок, в два приёма поднялся на ноги и каблуком стал сгребать мокрую глину, прикрывая извергнутое. Поднял свою «трость» — обломанную, без диска, вешку, наковыривал грязь на лужу рвоты и ею. Зачем-то ему нужно было прибрать за собой грязь, присыпать дерьмо. А может быть, это необходимо? Среди Беды-Матушки прибираться надо всегда и обязательно, скрывать результаты своей жизнедеятельности, включая продукты метаболизма, задние и передние, прятать их, закапывать, поскольку кто его знает, что с этими результатами и продуктами может произойти? Чем они могут обернуться? Не потому что их, разведчиков, вычислят по ним. А потому что рвота может ожить и съесть их, настигнуть и вцепившись снизу.

Что Вадим уже понял, так это то, что Петрович ничего не делает в Зоне зря или просто так. Поэтому он удавил смешок («Рвота идёт по следу!») в зародыше. В Зоне всё правда.

— Этот... как тебя... Свержин! — изнеможённо сказал прилёгший на бок Башкало. На нём была тоже американская кепка, только грязно-жёлтая, с надписью. Носил он её козырьком назад. — А ты что, даже и не сплюнул после мотовоза? Вот так прошёл насквозь, и всё? Типа ты, пацан, Зону знаешь, а она-то тебя? Контрактник, блин...

Вадим пожал плечами, ощутив тяжесть рюкзака на спине и сползающий ремень автомата на правом плече. Не даёт Башкале покою этот самый «контракт». Вообще он называется «договор о найме на сверхсрочную служ-

бу». Министр обороны Язов. Подпись, число. Второй раз уже тебя лично министр обороны на работу нанимает, пискнул в который раз очевидное Бубнилда.

— Эть, бя, ты какой! — сказал Башкало с осуждением.

— Вася, прибери за собой, — негромко сказал ему Петрович, подобрал свой рюкзак, приладил на спину, поднял за ремень свой пулемёт, повесил на плечо, снял кепку, осмотрел, надел кепку. Башкало, косясь на Вадима и под нос себе шипя, пинал волосатую прошлогодней травой кочку. Кусяра, подумал Вадим. Советский прапорщик до пенсии «дэмбэл». Тут же он вспомнил прапорщика Антонова и улыбнулся. Не каждый.

Старший прапорщик Петрович внимательно озирался, Вадим последовал его примеру. С этой стороны железки видимость была «миллион на миллион», никаких сгущений атмосферы, никаких осадков, никаких световых карманов. Не было пеплов, с той стороны железки их просто доставших утром. Насыпь была невысокой, и шоссе на той стороне тоже было видно превосходно, и вешки на шоссе, и блеск первой изморози на бетоне шоссе, и был виден даже вдалеке провалившийся в бетон шоссе кунг с кричащими мертвецами. Впрочем, сообразил Вадим, отсюда их почему-то не слышно.

А похожего на механический труп мотовоза с тремя пассажирскими вагонами, один из которых был «комбинированной съёмкой», уже не было. Сколько прошло времени? Вадим отскрёб обшлаг ОЗК с запястья и разглядел цифры на семимелодийной «монтане»¹... вымеченной, кстати, у подпоручика Гонзы за фалангу в эпок-

¹ Популярные в СССР часы неизвестного производителя. Примета времени. В Капустине можно было выменять пару их за одну фалангу в эпоксидке. И выменивали! — С. Ж.

сидке на оргстекле совсем недалеко отсюда меньше двух лет назад. Половина двенадцатого утра. Сегодня. А с площадки «Обелиск» — места предыдущего привала — они вышли в двенадцать пятнадцать, по этим же часам. Сегодня. Твою ж Матушку. Вадим еле удержал порыв приложить часы к уху, идут ли.

— Продолжать движение. Прежним путём идём до вешки номер триста двадцать четыре, — сказал Петрович. — Василий, готов? Свержин? Выброси свои часы. Трек необъективный, я же говорил. Вперёд. Направление — вот.

И, развернувшись на каблуках, он навскидку показал своей тростью (поломанной вешкой) точное направление. Вдоль насыпи, забирая влево. Господи, какие же это знакомые места. Сколько раз я ездил с «семнадцатой» на Десятку, то есть Капустин, и обратно, что на этом самом мотовозе по этой самой железке, что по этому шоссе на автобусе, и один раз на «скорой», и раз десять с Житкурсом и доктором Вяткиным на знаменитом новеньком «виллисе» сорок третьего года изделия...

Вадим двинулся, на ходу поправляя лямки рюкзака, срывающийся с плеча ремень автомата. Странно, что запрещено приказом носить автомат на шее. Ну а что тут не странно... вот впереди застарелая колея от тяжёлой машины, видимо, пусковой установки, и лет ей, этой колее, может быть и пять, может и сорок... Изуродовали степь. Говорили, что, когда Королёв сюда приехал со взводом солдат, тут пропасть было тюльпанов, а сейчас одна рыжая глина, словно лысина бухгалтера, торчит сквозь полынь... Колеи надо преодолевать осторожно. Особенно эту! — вдруг понял (почуял) Вадим, резко сбавляя скорость.

— Так, — сказал сзади прапорщик Петрович.

Колея была «вынутая». Второй раз за сегодня и второй раз в жизни Вадим видел такое. Он ожидал, что, как и утром, Башкало заведёт рассудительное нытьё, что вот она, вынутая, значит, точно, поблизости палит ништяк, хорошо бы осмотреться, пройтись фронтом, потому что это же лишняя тысяча рублей даже и на троих на дороге валяется... Но сейчас Башкало ныть не стал почему-то.

Вадим рюкзаком чувствовал взгляд старшего и сделал всё по уставу: приостановился, поднял открытую ладонь, останавливая группу, вытянул из-под поясного ремня полоску марли, набросил её на колею, и подождал, затаив дыхание, и только потом перешагнул, «обозначив начало движения повторным жестом открытой ладони, видимого следующим за собой», подошёл к парному следу, в точности повторил действия. Перешагивать причём надо не точно над марлей. Чёрт знает что. Зона знает что, сказал Бубнилда где-то между глаз Вадима.

Возразить было нечего.

— Смотри, колея разряженная, без ништяка, — сказал сзади Петрович. — Я его давно подобрал. «Гнатюк» тут был, хорошенький такой. Видишь, хоть след и вынутый, но замусоренный. А рабочая, злая колея всегда очень чистая, как будто только что проехали. Как на мокром песке. Но ты всё верно сделал, хвалю. Продолжай движение.

Пошли по треку дальше. Спасительный Бубнилда в голове Вадима в точке за переносицей, проснувшись, больше не затыкался, размеренно говорил, бубня, что как будто ты и не уезжал отсюда, правда? не демобилизовывался как будто, а так и живёшь-тащишь на знаменитом Полигоне, правда? как в сон «меня опять забирают в армию» попал, правда? как будто не было трёх лет дома, не было Майки, не рождалась Катёнок...

— Стоять! — сказал вдруг Петрович остро.

Вадим замер с поднятой ногой, потом осторожно опустил её. Он не обернулся. Бубнилда притих. Оба уха открыты, ладони открыты. Уши и руки до запястий обязаны быть открыты в любой мороз, при любых обстоятельствах. Зимой уши у шапки не опускать! И никаких перчаток или рукавиц.

— Вася, блядь, грызть тебя попогрызлом! — сказал Петрович странным голосом.

Вот тут Вадим осторожно обернулся — всем телом.

Башкало, арьергард и возчик группы, маячил в положенных десяти метрах позади. А старший прапорщик Петрович, оставив свою палку воткнутой в мокрую степь, в нарушение всех уставов и неофициальных заклинаний шёл к нему, то есть назад, шёл назад, медленно поднимая руки по сторонам своей кепки. Вплотную подойдя к оцепеневшему прапорщику, Петрович так энергично бросил руки вниз, и с такой досадой там, внизу, развёл ими, и так витиевато в упор проклял мамашу прапорщика, что Вадиму стало ясно: первому разведвыходу рядового контрактной службы Свержина Вадима Валентиновича в Зону настал этот самый Он, подстерегающий каждого третьего неопита. Закончили упражнение, оружие к осмотру. Спасибо, что живой. Сие, впрочем, неизвестно.

— Не понял, Николаич! — пришипясь, с испугом, но и с вызовом сказал Башкало.

Старший прапорщик Петрович обошёл вокруг него, как вокруг ёлки, и спросил безнадёжно-спокойно:

— Вася, товарищ советский прапорщик! Где тележка, где вешки, ещё раз и так твою мать, и так?

Башкало крутанулся кругом себя, аж РПК на нём мотнулся, охлопал себя по бокам, и за десять метров Вадим увидел, как круглое его лицо резко и полностью опунцовело, превратившись цветом точно в диск на «вешке». Даже пунцовой этого диска стало, крашенного желез-

ным суриком. Аж черты лица пропали у Башкалы, только усики торчали вспухшей царапиной. Красная рожа прапорщика. Вадим никогда не читал книжки, но непременно в какой-нибудь есть такое: «красная рожа прапорщика».

Не будем забывать, вдруг проговорил Бубнилда важно, что Башкало выходит в Зону с самого начала, что он умелый и неутомимый ходок-стайер, и что РПК, называемый почему-то трекерами, наряду с АК-47, поёт в руках Башкалы на огневом рубеже почище иного соловья. Осторожней с ним надо быть.

— Николаич... — выговорил Башкало. — Мля, Николаич! Не знаю, сука! Не помню! Накосячил я, Николаич!

В садовой тележке, нежно выкрашенной шаровой краской, Башкало вёз полсотни вещей — проолифленных заострённых черенков от швабр с прибитыми к ним медными скобками пронумерованными дисками. Нежно выкрашенными в пожарный цвет. (Весь прошлый месяц Вадим посвящал окрашиванию тележек и вещей по два-три часа в божий день.) Боевая задача группы старшего прапорщика Петровича в сегодняшнем выходе формулировалась как «разведка и обозначение вещами третьей четверти маршрута Обелиск — в\ч 20224». Таким образом, потеря вещей херила задачу, и выход в целом, и репутацию Петровича, ибо сказано: «косячит старший».

— Как во сне, Николаич, не помню!.. — сказал Башкало истово. — Упустил!

А ведь врёт кусок, подумал Вадим. (Или это Бубнилда подумал?) Помнит он. Специально бросил. Ещё в кювете под насыпью. Там тележка и стоит себе теперь и вовеки. Идти ему было задним, тащить тележку, да по гравию, да через рельсы, да в ужасе, да вслепую, и вполне третий вагон мог тележку зацепить, дёрнуть и тележника, сбить

с ног, зажевать уже настоящими колёсами... так и ну её к шутам, эту тележку, а на той стороне железки уж будь что будет. За выход деньга уже капнула, а в следующий Петрович не возьмёт. И слава КПСС. С Петровичем выходить себе дороже. Жребий тянут чуть ли не. Которую неделю трекеры толкуют между собой, даже в «гусятник» слух проник, и Вадим в курсе, что старший прапорщик Петрович нынче выходит треками страшными, не вокруг «нейтралки», а в самую неизвестную степь, клинья бьёт в Зону, в такие места, где нормальные три километра по карте давно стали тридцатью объективно. В самом прямом смысле слов тридцатью, растянутые «аномальными интенсивностями неизвестной природы вблизи поверхности планеты Земля».

Ну не хватало мне ещё и мысли читать, подумал Вадим с неприцельной злостью. Теперь-то что? Три целые вешки у них остались, «проходные»: их нёс Вадим в петле рюкзака, наподобие мечей из фильма с Брюсом Ли. Ещё одной, обломанной, вместо трости («Вместо посоха!») пользовался Петрович.

Петрович молча вернулся на середину дистанции Башкало — Вадим. Выдернул трость-посох.

— Свержин, вперёд к триста двадцать четвёртой, — обычным голосом приказал он. — Следующую вешку взять справа, в трёх метрах, и там стоп по команде. Шагом марш.

Вешку Вадим взял на правую руку минут через десять. Она торчала косо, сильно ребром к их ходу. Вадим дождался команды, повернулся к старшему, опустил на колено, ощущая пот между чулком ОЗК и бриджами. Было жарко. Петрович обошёл вешку, сделал от неё «спираль» на два витка, «осматривая» воздух, его плотность и влажность руками, потом сказал, указывая на избранное место: